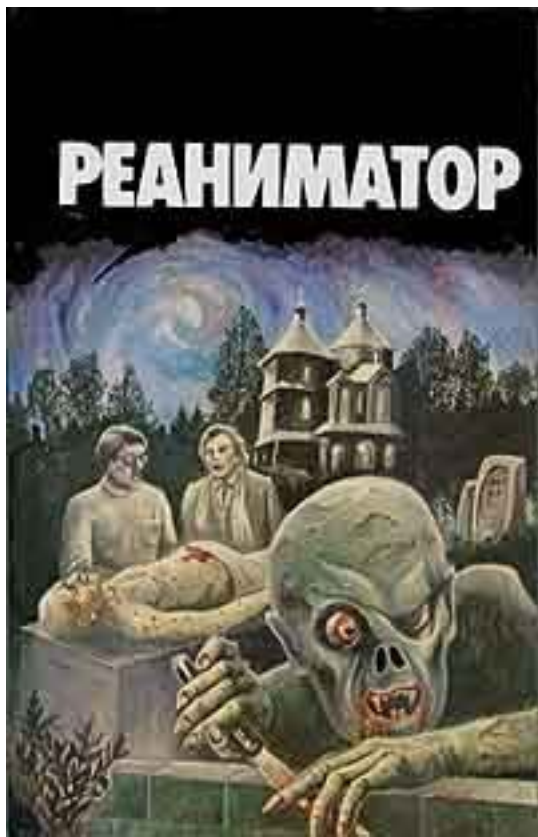

РЕАНИМАТОР

Лорд Дансени
Две бутылки приправы
Серия «Рассказы об удивительном»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149529

Оригинал: LordDunsany, "Two Bottles of Relish"

Перевод:

Г. Ком

Алексей Мороз

Аннотация

Его рассказы о сверхъестественном отвергают как аллегорические толкования, так и научные объяснения. Их нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г. Дж. Уэллсу. Еще меньше они нуждаются в многозначительных толкованиях болтунов-психоаналитиков. Они просто волшебны.

Лорд Дансени

Две бутылки приправы

Меня зовут Смитерс. Я тот, кого обычно называют маленьким человеком, занимающимся маленьким бизнесом. Я работаю коммивояжером; рекламирую «Нам-намо», приправу для мясных блюд и острых закусок, – всемирно известную приправу, должен заметить. Она на самом деле хороша, в ней не содержится вредных кислот, и она не влияет на сердце – рекламировать такой товар не составляет труда. Иначе я и не стал бы этим заниматься. Но в один прекрасный день я надеюсь взяться за рекламу чего-нибудь менее популярного, ведь известно, что чем труднее протолкнуть товар, тем больше платят коммивояжеру. А сейчас мне денег хватает лишь на то, чтобы кое-как сводить концы с концами, лишнего ничего не остается, но живу я в очень дорогой квартире. Так уж случилось, что мне необходимо рассказать вам одну историю. Это, может быть, не та история, какую вам хотелось бы услышать. Люди, которые хоть что-то знают об этом случае, наверняка, сохранили бы ее в тайне. Итак, вперед!

Получив работу в Лондоне, я принялся искать себе комнату. Она непременно должна была находиться в Лондоне, причем в центре города, и я отправился в квартал, застроенный блочными домами довольно унылого вида, и встретился там с человеком, который ими распоряжался, я попросил

его подыскать что-нибудь для меня, а именно то, что у них называлось квартирами: спальню с чем-то вроде буфета. В тот момент он показывал квартиры другому человеку, судя по всему, джентльмену, и не обращал на меня никакого внимания – я имею в виду человека, сдававшего квартиры. А я только бежал за ними немного позади, и ждал, пока мне не предложат что-нибудь, соответствующее моему положению. Мы зашли в одну очень хорошую квартиру с гостиной, спальней, ванной и небольшой прихожей. И вот как я познакомился с Линли. Это был тот парень, которого водили по дому.

– Дороговато, – сказал он.

Человек, содержавший дом, отвернулся к окну и принялся ковырять в зубах. Даже смешно, как много вы можете выразить таким простым действием. Всем своим видом он показывал, что у него есть сотни таких квартир и тысячи желающих обрести их и что ему все равно, кто будет в них жить и вообще хотят ли по-прежнему эти тысячи поселиться у него. И тем не менее, он не сказал ни слова, а лишь отвернулся к окну и стал ковырять в зубах. И тогда я рискнул обратиться к мистеру Линли. Я сказал:

– А как насчет того, сэр, чтобы я платил половину суммы и поселился бы здесь вместе с вами? Я никоим образом не буду надоедать вам, ведь меня не бывает дома весь день, и вы сможете делать все, что вам заблагорассудится. В самом деле, я не буду причинять вам беспокойства больше, чем кош-

ка.

Можете удивляться тому, что я решился предложить ему такое, но вы удивитесь гораздо больше, когда узнаете, что он согласился. Это действительно поразило бы вас, если бы вы были знакомы со мной, маленьким человеком со своим маленьким бизнесом. Я сразу заметил, что ко мне он чувствует гораздо большее расположение, чем к человеку у окна.

– Но ведь здесь только одна спальня, – сказал он.

– Я мог бы устроить себе постель в этой комнатке, – ответил я.

– В прихожей, – уточнил человек, отворачиваясь от окна и не вынимая изо рта зубочистки.

– И я убирал бы постель и прятал ее в шкаф к любому часу, который бы вас устроил, – продолжил я.

Мистер Линли задумался, а домовладелец стал любоваться через окно Лондоном. И, в конце концов, вы знаете, он согласился.

– Это ваш друг? – спросил владелец дома.

– Да, – ответил мистер Линли.

Это действительно было мило с его стороны. Я объясню вам, почему пошел на все это. Был ли я способен позволить себе такое? Конечно же, нет. Но я слышал, как Линли говорил владельцу дома, что только что приехал из Оксфорда и хотел бы пожить несколько месяцев в Лондоне. Он желал бы устроиться с комфортом и ничего не делать, за исключением мелочей, пока не осмотрится на новом месте и не найдет

работу, а может быть, поживет здесь просто до тех пор, пока он сможет себе это позволить. Так, сказал я себе, что такое эта встреча для бизнеса, как мой? Да просто все. Даже если бы я перенял от этого мистера Линли хотя бы четверть его знаний, я смог бы продавать в два раза больше товара, и мне вскоре доверили бы что-нибудь менее ходовое, и мои доходы бы утроились. В любом случае, стоило попробовать. Если действовать осмотрительно, то четверть своих знаний можно выдать за что-нибудь как минимум в два раза более ценное. Я имею в виду, что вовсе необязательно цитировать всю «Преисподнию», чтобы показать, что вы читали Мильтона, достаточно и полстроки.

Ну ладно, вернемся к той истории. Вы не можете даже представить себе, что рассказ этого маленького человека, как я, способен заставить вас содрогнуться. Когда мы устроились в квартире, я вскоре позабыл об оксфордских манерах Линии. Я забыл о них, потому что этот человек сам по себе вызывал восхищение. У него был настолько развитый ум, что напоминал мне тело акробата, тело птицы. Ему просто не требовалось образования. Вы даже не заметили бы, имеет ли Линли таковое или нет. Идеи буквально роились у него в голове, причем такие, до которых вы сами ни за что бы не додумались. Как только у него появлялись какие-нибудь мысли, он тут же вылавливал их, но дело даже не в этом. Постепенно я обнаружил, что он знает то, что я собираюсь сказать. Нет, это было не чтение мыслей, а скорее то, что на-

зывается интуицией. По вечерам после работы я немного занимался шахматами, чтобы отвлечь свои мысли от «Нам-намо». Но никогда не умел решать задачи. А он приходил, бросал взгляд на доску и говорил: «Но наверное, сначала нужно походить этой фигурой». Я спрашивал: «Но куда?» Я возражал: «Но ведь ее побьют любой из них». А фигура, должен вам сказать, всегда была ферзем. И он говорил: «Да, но это не поможет. Все так и задумано».

И, вы знаете, он всегда оказывался прав. Понимаете, он ставил себя на место противника и следовал по ходу его мыслей. Вот что он делал.

Однажды в Андже произошло ужасное убийство. Первое, что мы узнали о Сиджере, было то, что он поселился на северных равнинах в одноэтажном домике со своей девушкой. У девушки было двести фунтов, и он получил все до единого пенни, но девушка исчезла, и Скотланд-ярд не смог ее найти. Случайно я прочитал, что Сиджер купил две бутылки «Нам-намо», – ведь полиция из Отерторпа разузнала о нем все, за исключением того, что он сделал с девушкой, – и это, конечно, привлекло мое внимание, иначе я никогда бы больше и не вспомнил об этом преступлении и не сказал бы Линли ни слова о нем. Но «Нам-намо» всегда была у меня в голове, потому что я изо дня в день занимался ее рекламой, и этот фронт купил приправу, что и сохранило преступление в моей памяти. Однажды я сказал Линли:

– Странно, что вы, с вашим умением решать шахматные

задачи и вообще размышлять о том и о сем, даже не пытаетесь разрешить эту отерторпскую загадку. – Вот что сказал я ему.

– И в десяти преступлениях не наберется столько загадок, сколько в одной шахматной партии, – ответил он.

– Перед ней оказался бессилён Скотланд-ярд, – продолжал я.

– Неужели? – спросил он.

– Да, он окончательно повержен, – ответил я.

– Жаль, – сказал он и тут же спросил, – каковы факты?

Мы сидели за ужином, и я рассказал Линли об обстоятельствах преступления прямо так, как я прочитал о них в газетах. Она была красивой миниатюрной блондинкой, звали ее Нэнси Элт, у нее было двести фунтов, и прожили они в этом доме вместе пять дней. После этого он остался там еще на две недели, а ее живой больше никто не видел. Стивдджер утверждал, что она уехала в Южную Америку, но позже он заявлял, что никогда не говорил «Южная Америка», а что уехала она в Южную Африку. В банке, где она держала деньги, на счету не осталось ни пенни, а Стивдджер в это время неизвестно как обзавелся по меньшей мере ста пятьюдесятью фунтами. Выяснилось также, что Стивдджер был вегетарианцем. Все продукты он покупал в овощном магазине, и это и вызвало у констебля деревни Андж подозрения насчет него, ведь вегетарианец – всегда новое для констебля. Он установил за Стивдджером наблюдение, и, надо сказать,

очень хорошее, потому что не осталось вопроса о Стиджере, на который констебль не мог бы ответить Скотланд-ярду, кроме, естественно, одного. Он также сообщил обо всем полиции в Отерторпе, городке в пяти-шести милях от Анджа, и они приехали и тоже взялись за это дело. И вот что они выяснили. Они могли ручаться за то, что после исчезновения девушки Стиджер ни разу не выходил из дома и за пределы сада. Понимаете, чем больше они следили за ним, тем больше росли их подозрения (так всегда бывает, когда вы следите за кем-нибудь). Очень скоро их стал интересовать каждый его шаг, но им бы и в голову не пришло подозревать его, если бы он не был вегетарианцем, и тогда улик не хватило бы даже Линли. Нельзя сказать, что многое из того, что им удалось обнаружить, говорило против Стиджера, если не считать тех появившихся ниоткуда ста пятидесяти фунтов, да и то их нашел Скотланд-ярд, а не отерторпская полиция. Нет, то, что обнаружил констебль из Анджа, то, что поставило в тупик Скотланд-ярд, затрудняло до последнего момента Линли и что, конечно же, озадачило и меня, касалось лиственниц. В уголке сада перед домом росли десять лиственниц, и он, Стиджер, перед тем как поселиться в доме, заключил с владельцем своего рода соглашение, по которому он имел право делать с лиственницами все, что пожелает. И как раз с того момента, как исчезла и, судя по всему, умерла Нэнси, он принялся рубить деревья. Три раза в день примерно в течение недели он занимался этим, а когда все

деревья были срублены, он распилил их на брусья длиной не более двух футов и аккуратно сложил в поленницы. Вот эта была работа! Но зачем он это делал? Найти оправдание тому, что у него имелся топор – такой была одна теория. Но оправдание вышло более веским, чем само наличие топора. Утомительная каждодневная работа заняла у него две недели. Да он мог убить бедняжку Нэнси Элт и без топора. Без топора он мог разрезать и ее тело. Другая теория заключалась в следующем. Ему были необходимы дрова, чтобы избавиться от тела. Но он их так и не использовал. На дворе продолжали стоять аккуратные поленницы. Это разбило все гипотезы в пух и прах.

Итак, я сообщил Линли все эти факты. О да, еще он купил большой нож для разделки туш. Такой же странный поступок, как и все остальные. Хотя, впрочем, это вовсе не так странно: если вам непременно нужно разрезать тело женщины, то вам придется это сделать, и вы уже никак не обойдетесь без ножа. Было еще несколько фактов, отрицавших его причастность к преступлению. Он не сжег ее тело. Время от времени он зажигал свою плитку и готовил на ней пищу. Они хорошо проследили за этим, констебль из Анджа и эти парни из Отерторпа, ему помогавшие. Дом был кое-где окружен небольшими зарослями, рощами, как их называют в этой местности, и полицейские могли легко и незаметно забраться на дерево и понюхать дым, в каком бы направлении ни дул ветер. Они это неплохо придумали, поли-

цейские из Отерторпа, хотя, конечно, это ни в малейшей мере не помогло бы повесить Стиджера. Потом приехали люди из Скотланд-ярда и тоже выяснили одну вещь, которая, хоть имела и отрицательный результат, еще более сужала рамки следствия. Они определили, что известняк, на котором стоял дом, и почва в саду никогда не вспахивалась. А Стиджер никогда не выходил из сада с момента исчезновения Нэнси. Да, кстати, кроме ножа, у него был еще большой напильник. Но на нем не осталось следов кости, так же как и на топоре не было следов крови. Конечно, он их смыл. Я рассказал все это Линли.

Прежде чем я продолжу свой рассказ, я должен вас предупредить. Я, маленький человек, и вы, вероятно, не ждете от этой истории ничего ужасного. Но я обязан заранее сказать вам, что тот человек был убийцей, ну, или, по крайней мере, преступление совершил кто-то другой; с женщиной, этой хорошенькой маленькой девушкой, было покончено, и было бы ошибочно думать, что человек, сделавший это, остановится перед чем-то, перед чем он, по вашему мнению, просто обязан был бы остановиться. Невозможно сказать, что остановит человека, которого ведет преступный ум и длинная тонкая тень от петли. Сказки об убийствах бывают иногда хороши для какой-нибудь леди, сидящей в одиночестве у камина и их читающей, но убийство – совсем не такая милая штука, и убийца, когда он в отчаянии и пытается замести следы, во все не так занимателен, как кажется. Я хотел бы попросить

вас не забывать об этом. Итак, я предупредил вас. И вот я спрашиваю Линли:

– Ну, и что вы думаете об этом?

– Канализация? – спросил Линли.

– Нет, – отвечаю я, – тут вы ошибаетесь. Скотланд-ярд проверил эту версию. А перед ними и отерторпская полиция. Они проверили всю канализацию, а также эту штуку, ведущую в сточную яму за садом. Через нее ничего не прошло, по крайней мере, не должно было пройти.

Он сделал одно-два предположения, но в каждом из них Скотланд-ярд был впереди него. Простите за выражение, но вот где собака зарыта в моей истории. По вашему мнению, детектив – это человек, который берет лупу и выезжает на место преступления. Он измеряет следы, подбирает все ниточки, ведущие к разгадке, и находит нож, который проглядела полиция. Но Линли никогда не был на месте преступления, у него никогда не было лупы – я во всяком случае не видел, – и всякий раз его опережал Скотланд-ярд.

Фактически у них было даже больше ниточек, чем нужно, чтобы раскрыть обычное преступление. У них были сведения любого рода, чтобы доказать вину Стиджера, чтобы убедиться, что он не избавился от тела, и все-таки тело не было найдено. Его не было ни в Южной Америке, ни тем более в Южной Африке. И над всем громоздилась эта огромная куча дров, улика, открыто бросавшаяся в глаза и ни к чему не ведущая. Нет, нам вполне хватало ниточек, и Линли не нужно

было ехать на место преступления. Проблема заключалась в том, как с ними всеми управиться. Для меня это было полной загадкой, как и для Скотланд-ярда, да, казалось, и Линли не продвинулся дальше нас. Эта тайна постоянно висела надо мной, и я объясню почему. Я не удержал бы ничего в памяти, если бы не пустяковый факт продажи приправы. Точно так же этот случай, как и все остальные, на которые люди не обращают особого внимания, канул бы в лету, обратился бы в маленькое, но темное, как ночь, пятно в человеческой истории, если бы не одно случайное слово, которое я обронил в разговоре с Линли;

Дело в том, что мой рассказ сначала не очень-то заинтересовал его, но я был настолько уверен, что он способен разрешить эту загадку, что продолжал развивать и эту тему.

– Вы ведь решаете шахматные задачи, – сказал я.

– И это в десять раз сложнее, – ответил он, повторяя свою старую мысль.

– Тогда почему же вы не решаете эту? – спросил я.

– Тогда съездите и узнайте положение на доске, – сказал Линли.

Он так всегда выражался. К тому времени мы прожили в одной квартире уже два месяца, и я знал эту его манеру. Он хотел, чтобы я съездил в Андж и осмотрел дом. Я знаю, вы спросите, почему он не поехал туда сам. Объяснение предельно простое. Если бы он разъезжал по стране, у него просто бы не было возможности размышлять, тогда как дома,

сидя в кресле у камина, он мог спокойно думать, и предела его способности анализировать информацию просто не существовало. Так что на следующий день я сел в поезд и вышел на станции в Андже. Передо мной расстилались северные равнины, их спокойствие чем-то напоминало музыку.

– Это вон там, верно? – спросил я носильщика.

– Да, ответил он, – идите по дорожке. И не забудьте свернуть направо, когда дойдете до старого тисса, такого большого дерева, его трудно не заметить, и потом... – и он указал мне дорогу, чтобы я не заблудился. Там все люди были такими, очень милыми и всегда готовыми помочь. Понимаете, просто пришел, наконец, день Анджа. Все теперь знали об этой деревне. Вы могли бы получить там письмо, даже если бы на конверте не было указано ни названия графства, ни наименования ближайшего к нему города. Андж подтверждал старую истину. Смею предположить, что если бы вы сейчас попытались отыскать Андж... одним словом, они хорошо пользовались моментом.

Итак, передо мной высился холм залитый солнцем. Он, как песня, поднимался в небеса. Конечно, может быть, вы не желаете слушать о весне, о буйно разросшемся боярышнике, о красках, расцветивших все вокруг с приходом дня, о поющих птицах, но я подумал: «Какое великолепное место для того, чтобы привезти сюда девушку». И когда я, маленький человек, конечно, представил себе ее на холме среди прекрасных деревьев и щебечущих птиц, то я сказал се-

бе: «Разве не было бы странно, если бы доказательства вины этого человека обнаружил именно я?»

Конечно, если он совершил это преступление». И я направился к дому и вскоре уже осматривал его, заглядывая через ограду в сад. Не могу сказать, что многое обнаружил. Фактически я не нашел ничего, на что не обратила внимание полиция до меня. Просто я увидел груды дров, и было это довольно странно.

Я много размышлял, перегибаясь через ограду, вдыхая запах боярышника и, рассматривая сквозь кустарник поленницы, а также домик в другом конце сада. Я обдумал множество гипотез, пока не перешел к одной наиболее ценной мысли. Она заключалась в том, что вместо того, чтобы изображать из себя мыслителя, мне давно следовало бы просто предоставить это Линли с его оксфордско-кембриджским образованием и лишь собрать для него сведения, о чем он, в сущности, меня и просил. Я забыл сказать вам, что утром я заходил в Скотланд-ярд. Об этом действительно нечего рассказывать. Они задали один вопрос: что мне нужно? И, не будучи вполне готовым на него ответить, я практически ничего от них не узнал. Но в Андже все было по-другому. Все там были очень любезны. Как я уже сказал, пробил их час. Констебль провел меня в дом при условии, что я ничего не буду трогать, и разрешил мне взглянуть на сад изнутри. Я смотрел на то, что осталось от десяти лиственниц, и заметил одну вещь, что, как отметил Линли, явилось проявлени-

ем большой наблюдательности. Не то, чтобы она оказалась очень полезной, просто я очень старался. Я отметил, что дрова были наколоты кое-как. Исходя из этого, я допустил, что Стивджер не очень-то и умел колоть дрова. Констебль назвал это дедукцией. Потом я добавил, что топор был тупым, и это заставило констебля призадуматься, хотя на этот раз он уже не сказал, что я прав. Я не говорил вам, что с тех пор, как исчезла Нэнси, Стивджер не выходил из дома никуда, кроме сада, да и только для того, чтобы помахать топором? Думаю, что говорил. И это чистая правда. Они следили за ним день и ночь, сменяя друг друга, об этом мне сказал сам констебль. И это ограничивало рамки расследования. Мне не нравилось во всем этом только то, что все сведения были собраны самыми обыкновенными полицейскими, тогда как мне казалось, что их должен был обнаружить человек типа Линли. Тогда в этой истории была бы какая-то романтика. А ведь всего этого просто бы не было, если бы не распространились слухи, что Стивджер вегетарианец и посещает только овощной магазин. Очень возможно, что распространил их местный мясник, ведь было задето его самолюбие. Странно, что человека могут подвести такие мелочи. Лучше всего не отличаться от других – вот мой девиз. Но, может быть, я немного отклонился от рассказа. Мне хотелось бы вообще забыть о нем, и я делал бы отступления постоянно, но не могу. Итак, я получил всю необходимую информацию, все нити, ведущие к разгадке, мне, наверное, следует выразиться так. Правда, они

ни к чему не вели. К примеру, я знал все о его поступках в деревне: я мог бы сказать вам, какой он покупал сорт соли – очень простой и без фосфатов, которые иногда добавляют для товарного вида. Лед он брал в рыбном магазине, а овощи – в овощном, у «Мерджина и сыновей». Я также побеседовал с констеблем. Его звали Слаггер. Я поинтересовался у него, почему они не провели обыск в доме сразу после того, как пропала девушка.

– Во-первых, мы не имели на это права, – ответил он, – и, кроме того, у нас не сразу возникли по этому поводу подозрения, по поводу девушки то есть. Мы заподозрили неладное только тогда, когда узнали, что он вегетарианец. С того времени, как девушку видели в деревне в последний раз, он прожил здесь еще целых две недели. И тут нагрянули мы. Но, вы знаете, о девушке никто не справлялся, и нам не поступало никаких распоряжений.

– И что же вы нашли в доме? – спросил я Слаггера.

– Всего лишь большой напильник, – ответил он, – нож и топор, которым он, судя по всему, и разрубил тело.

– Но ведь он купил топор, чтобы колоть дрова, – возразил я.

– Да, конечно, – сказал Слаггер ворчливо.

– Но для чего он колол их? – спросил я.

– У моих начальников, конечно, имеются предположения на этот счет, сказал он, – но они не могут рассказывать о них первому встречному.

– Да разрубал ли он ее вообще? – спросил я.

– Он сказал, что она уехала в Южную Америку, – ответил Слаггер.

Это было действительно очень любезно с его стороны. Я не помню, что еще он рассказывал мне. Он заметил, что Стивиджер оставил после себя всю посуду вымытой.

Уже на закате я сел в поезд, а вскоре привез эти сведения Линли. Мне бы очень хотелось рассказать вам о тихом весеннем вечере, опускавшемся над тем мрачным домом и как бы окутавшем его, о необыкновенной великолепии вокруг, контрастировавшим с этим проклятым местом, но вы же хотите услышать об убийстве. Значит я рассказал все Линли, хотя многое мне казалось недостойным упоминания. Но как только я начинал отсекаать какие-либо детали, Линли мгновенно догадывался об этом и вытягивал их из меня.

– Вы можете не сказать чего-нибудь очень важного, – говорил он. – Даже гвоздь, который вымела служанка при уборке, может приговорить человека к виселице.

Все это, безусловно, верно, но если быть последовательным, то почему он, пусть даже с образованием, полученным в Итоне и Харроу, называл тривиальным все мои упоминания о «Нам-намо» и говорил, что мы не должны упускать главных моментов? Ведь именно «Нам-намо» положила начало всей истории, и если бы я и не мое упоминание о том, что Стивиджер купил две бутылки приправы, Линли так ничего и не узнал бы об этой истории. Я в самом деле сказал

тогда пару слов о «Нам-намо», ведь в тот день мне удалось продать в Андже около пятидесяти бутылок. Убийство всегда будоражит умы людей, и две бутылки приправы предоставили мне такую возможность, которой не воспользовался бы только глупец. Но для Линли, конечно, все это ничего не значило.

Невозможно знать мысли человека и невозможно заглянуть ему в душу, вот почему все самое захватывающее на свете никогда не получает огласки. То, что происходило в тот вечер с Линли, когда я беседовал с ним до ужина и на протяжении всего ужина, а потом он сидел у камина и курил, можно выразить так: все размышления его натыкались на непреодолимый барьер. И непреодолимость этого барьера заключалась вовсе не в трудности определения способов, с помощью которых Сиджер избавился от тела. Вся сложность была в том, для чего он наколот такую массу дров в течение двух недель и при этом платил домовладельцу, как я выяснил, двадцать пять фунтов за право распоряжаться лиственными по своему усмотрению. Что же касается способов, к которым прибегнул Сиджер, чтобы спрятать тело, то мне, казалось, что все пути были давно уже перекрыты полицией. Вы говорили, он закопал ее – они отвечали, известняк нетронут; вы говорили, он увез тело – они отвечали, он никогда не выходил из дома; вы предполагали, что он сжег ее – они утверждали, что не чувствовали запаха горелого, когда ветер прибывал дым к земле, а если ветра не было, то они

забирались на деревья. Я прекрасно относился к Линли, и мне вовсе не нужно было образования, чтобы видеть, что у него очень умная голова, и я думал, что он сможет решить задачу. Когда я видел, что полиция всюду опережает его и не было ни малейшей возможности, по моему мнению, ее обойти, мне было искренне жаль, эту умную голову.

Раз или два он спросил меня, не заходил ли кто в дом. Забирали ли из дома какие-нибудь вещи? Мы не могли ответить на эти вопросы с достоверностью. И тогда я сделал, наверное, не очень удачное предположение или, может, снова заговорил о «Нам-намо», и он резко оборвал меня:

– Но что бы сделали вы, Смитерс? – спросил он. – Что бы сделали вы сами?

– Если бы я убил бедную Нэнси Элт? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– Я не могу даже представить себе такое.

Он вздрогнул так, будто эти слова характеризовали меня с плохой стороны.

– Полагаю, что никогда не смог бы стать детективом, – сказал я и он кивнул.

Затем он целый час, как мне показалось, задумчиво смотрел в огонь. Потом он снова кивнул головой. Мы пошли спать. Следующий день я буду помнить всю свою жизнь. До вечера я, как обычно, занимался рекламой «Нам-намо». Около девяти мы сели ужинать. В этих квартирах невозможно готовить горячую пищу, и ужин у нас был, естественно,

холодным. Линли начал с салата. Этот салат и сейчас стоит у меня перед глазами, во всех своих деталях. Меня в тот вечер все еще переполняла радость от успешной продажи «Нам-намо» в Андже. Я знаю, только глупец не смог бы продавать там приправу, и все-таки я был доволен собой, ведь толкнуть в маленькой деревушке около пятидесяти, а точнее, сорок восемь бутылок – вовсе не простая штука, какими бы благоприятными ни были обстоятельства. Я развивал эту тему, и вдруг до меня дошло, что «Нам-намо» нисколько не интересует Линли, и я резко осекся. И вы знаете, что он сделал? Это было очень мило с его стороны. Должно быть, он сразу понял, почему я оборвал свою речь, протянул руку и сказал:

– А не дадите ли вы мне вашего «Нам-намо» для салата?

Я был так тронут, что чуть не подал ему приправу. Но, конечно же, ее никто не ест с салатом. Она используется только для мясных блюд и острых закусок. Это написано на бутылке. И я сказал:

– Только для мясных блюд и острых закусок.

Хотя я даже и не знаю, что такое острые закуски. Никто не пробовал.

И никогда я не видел, чтобы у человека так менялось лицо. С минуту он сидел не двигаясь и не говоря ни слова. За него говорило выражение его лица. Так и хочется написать; что это было лицо человека, только что повстречавшегося с привидением. Но выражение его лица было совсем не таким. Я скажу вам, как выглядел Линли. Как человек, увидевший

нечто доселе невиданное, нечто не существующее в природе.

И затем изменившимся голосом, более тихим и мягким, как мне показалось, он спросил:

– Для овощей не подходит, да?

– Абсолютно не подходит, – сказал я.

Он испустил что-то напоминающее всхлип. Я раньше и не думал, что он принимает все так близко к сердцу. Но, конечно же, я тогда и не догадывался, к чему относится этот всхлип. Я думал, что люди избавляются от всего такого в Итоне и Харроу, ведь он был таким образованным. На глазах у Линли не било слез, но он ужасно что-то переживал.

Потом он стал говорить с большими паузами.

– Человек может ошибиться и есть «Нам-намо» с овощами.

– Не более одного раза, – сказал я. А что я мог еще сказать?

Он повторил за мной эти слова, как будто я сообщил ему о конце света, только с еще большей выразительностью. Они показались наполненными каким-то зловещим смыслом. Он произнес их, покачивая головой. Потом он замолчал.

– Что такое? – спросил я.

– Смитерс, – сказал он.

– Да, – ответил я.

– Смитерс.

И я снова сказал:

– Да?

– Послушайте, Смитерс. Вы должны позвонить в овощной магазин в Андже и выяснить следующее.

– Да?

– Купил ли Стивджер эти бутылки, как я думаю, в один и тот же день или одну за другой несколько дней спустя. Он не мог сделать этого.

Я подождал, не скажет ли он еще что-нибудь, а потом выбежал из комнаты и сделал то, что он мне сказал. Так как было уже поздно – пробило девять часов вечера, это заняло у меня порядочное время, да и то мне пришлось прибегнуть к помощи полиции. Мне сообщили, что бутылки Стивджер покупал с интервалом примерно в шесть дней. Я возвратился и сказал это Линли. Когда я входил в комнату, он смотрел на меня с такой надеждой, но по его глазам я видел, что он сам в нее не верит.

Если человек не болен, то он не может принимать все так близко к сердцу, и в паузе я сказал:

– Вам нужно выпить хорошего бренди и лечь пораньше спать. Он ответил:

– Нет. Мне обязательно нужно повидаться с кем-нибудь из Скотланд-ярда. Позвоните им. Скажите, чтобы немедленно приехали сюда.

Я возразил:

– Но мы не можем позвать к нам инспектора из Скотланд-ярда в такой поздний час.

У него прямо-таки загорелись глаза. В этом был он весь.

– Тогда скажите им, что они никогда не найдут Нэнси Элт. Скажите, чтобы один из них приехал сюда, и я все объясню, – и он добавил, я думаю, для меня, – они должны следить за Стивджером, чтобы он не предпринял еще что-нибудь новое.

И, вы знаете, он пришел. Инспектор Алтон. Собственной персоной.

Пока мы ждали, я пытался заговорить с Линли. Частично из любопытства, должен признать. Но я также не хотел оставлять его наедине со своими мыслями. Я попытался узнать от него, к чему он пришел. Он не желал отвечать.

– Преступление ужасно, – это были все его слова, – и когда человек пытается замести следы, оно становится еще ужаснее.

Он не хотел говорить мне.

– Есть вещи, – сказал он, – о которых человеку не хотелось бы знать никогда.

Это верно. Как бы мне теперь хотелось не слышать этой истории. Да я практически ее и не слышал. Я догадался обо всем из последних слов Линли, сказанных инспектору Алтону. Я услышал только эти слова. Здесь, возможно, и пришло время закончить мой рассказ, чтобы вы так и не узнали, что действительно произошло. Ведь, признайтесь, вы хотели услышать этакую романтическую историю о преступлении, а не рассказ о настоящем жестоком убийстве? Ну что же, как хотите.

Вошел инспектор Алтон. Линли, не говоря ни слова, по-

жал ему руку и жестом пригласил его пройти в спальню. Они зашли в комнату и стали шепотом разговаривать. Я не слышал ни слова. Когда они заходили в ту комнату, инспектор выглядел довольно крепким, здоровым человеком.

Вышли же они из спальни в полном молчании, прошли через гостиную и остановились в прихожей, и тут-то я и услышал слова, которые они сказали друг другу. Первым молчание прервал инспектор:

– Но зачем, зачем он рубил эти деревья?

– Лишь для того, – ответил Линли, – чтобы поддерживать аппетит.